АКАДЕМИК А. И. БЕЛЕЦКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ Н. С. ЛЕСКОВА

Статья М. О. Габель

1

Научные интересы Александра Ивановича Белецкого (1884—1961) были чрезвычайно многогранны: теория литературы, методология литературоведения, история русской, украинской, античной и зарубежных литератур, межславянские литературные связи, место и значение крупных русских и украинских писателей (Пушкина, Шевченко, Франко, Леси Украинки и др.) в развитии мировой литературы — вот далеко не полный перечень основных направлений, всегда занимавших его исследовательскую мысль. Общирных монографий он оставил после себя не так много. Чаще всего это статьи. Однако, написанные большим мастером слова, владеющим искусством немногими, но точными и емкими словами сказать многое, они ценнее, содержательнее иных многотомных работ. После смерти Белецкого вышло Собрание его сочинений, включающее исследования на украинском и русском языках, однако вобравшее далеко не все, что им создано 1. Даже незавершенные работы большого ученого — рецензии. наброски, тезисы, конспекты, планы и другие «мелочи», которые не привлекают особого внимания редакторов, могут многое дать будущему исследователю, пробудить научную мысль, натолкнуть на поиск. Тем более это относится к его законченным работам. Конечно, они должны быть опубликованы, даже если их отделяет от наших дней более полувека. Поставленные в общий ряд с другими его исследованиями, они свидетельство творческого роста выдающегося ученого, формирования его научного мировоззрения, и, что особенно важно, в них могут содержаться ценные концепции, мысли, наблюдения, не потерявшие значения в наши дни. Большой исследователь всегда заглядывает в будущее науки, что-то предугадывает в дальнейшем ее развитии.

В архиве Белецкого хранится рукопись его работы о Лескове — А. Белецкий. Н. С. Лесков. Личность, творчество. (Харьков), апрель — май 1923. В ней 121 лист (по авторской нумерации — 117). Работа эта была прочитана автором на нескольких заседаниях секции теории и истории литературы научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры при Харьковском институте народного образования, созданного на базе реорганизованного Харьковского университета. Хотя исследование Белецкого вызвало у слушателей живой интерес и получило высокую оценку, тем не менее оно не было опубликовано. По-видимому, появлению его в печати мешали трудности, которые переживало тогда издательское дело на Украине и, в частности, в Харькове. Однако Белецкий не расставался с мыслью его издать. Одну из глав книги, «Рассказы и очерки», он, надо думать, подготавливал к печати, так как после его смерти в его архиве была обнаружена машинописная копия этой главы. Сверенная с рукописью, эта часть работы вошла в 4-й том его сочинений. Можно лишь выразить глубокое сожаление, что Институт им. Т. Г. Шевченко, директором которого долгие годы до конца жизни — был Белецкий, не включил в издание всей работы о Лескове: в академическом собрании исследований ученого ей, конечно, было бы уместно появиться полностью. В настоящее время архив Белецкого, в том числе и рукопись его работы о Лескове, принадлежит его сыну Платону Александровичу Белецкому (Киев).

Не вошедшая в свое время в советское литературоведение, работа Белецкого тем не менее заслуживает внимания исследователей Лескова. Вероятно, кое-что в ней устарело, кое-что уже «перекрыто» последующими работами, однако в ней есть свои, оригинальные, никем еще не высказанные мысли о Лескове, и каждый, кто интересуется этим сложным и противоречивым писателем, должен быть знаком с исследованием Белецкого. Мы ставим своею целью охарактеривовать его и ответить на вопросы:

1) Каково место работы Белецкого в лесковиане начала 20-х годов? 2) Как вписывается она в последующее изучение Лескова? 3) Что она может дать современному исследователю?

Белецкий прекрасно знал творчество Лескова, был его тонким и вдумчивым читателем ². Одновременно с исследованием, ему посвященным, он подготавливал теоретическую работу «В мастерской художника слова». Ее положения не раз обосновываются, иллюстрируются примерами, взятыми из произведений Лескова, анализ которых, сделанный Белецким, несомненно, заслуживает внимания каждого, кто интересуется поэтикой Лескова ³. В изучении Лескова Белецкий явился, по сути, первооткрывателем, так как до Октябрьской революции Лесков чаще был объектом суровых разносных критических выступлений, чем беспристрастной историко-литературной оценки, а в советское время до Белецкого, кажется, только один Б. В. Варнеке посвятил Лескову маленькую статейку «Растерянный Лесков» («О книгодрательном бесе») ⁴ упомянутую в рассматриваемой работе ⁵. Нельзя не отметить, что в 1923 г., когда Белецкий написал свой историко-литературный очерк о Лескове, в защиту Лескова с пропагандой его творчества выступил А. М. Горький ⁶. Многие мысли о Лескове Белецкого и Горького родственны.

Белецкому пришлось проделать большую предварительную работу. Он не мог опереться на собрания сочинений, изданные еще в конце XIX и в начале XX вв. Хотя одно из них определено словом «полное» 7, однако претендовать на полноту оно никак не могло, и Белецкому не раз, вероятно, приходилось обращаться к «Библиографии сочинений Н. С. Лескова» (1860—1889), составленной П. В. Быковым. Белецкий сам во многих случаях ведет розыски сочинений Лескова и в своей книге не раз делает ссылки на их первые публикации в журналах и газетах, отмечая: «В собрание сочинений не вошло» 8. Ни разу Белецкий не призывает прямо к созданию действительно полного, научно подготовленного собрания сочинений Лескова, однако само исследование вопиет об этом. Будем надеяться, что новое поколение, пришедшее в науку, создаст полное, академическое собрание сочинений Лескова, включающее все его наследие: художественные произведения, публицистику, письма, воспоминания, словом, все, что написано его рукой и относится к литературе.

Белецкий прекрасно знал посвященную Лескову еще при его жизни критическую литературу, воспоминания о нем и работы, появившиеся после смерти писателя и претендующие на его историко-литературную оценку. Об этом свидетельствуют меогочисленные ссылки и подстрочные примечания. Для розыска этих материалов нужно было провести кропотливую работу, так как библиографического справочника литературы о Лескове не существовало, а общие библиографические указатели (А. В. Мезьер, И. В. Владиславлев и др.) давали критическую литературу выборочно. Надо отметить, что научный аппарат в книге Белецкого безукоризнен. Исследователь никогда не забудет сослаться на критика, чье мнение совпадает или не совпадает с его собственным. Отзывы современников о творчестве Лескова — важный для Белецкого документ. Без учета откликов читателя разной социальной среды, разного культурного уровня не построить подлинной истории литературы,— так полагает исследователь. Читательское восприятие творчества писателя — один из критериев, помогающих определить его место в историко-литературном процессе. Об этом Белецкий писал в 1922 г. — почти одновременно с книгой о Лескове — в статье «Об одной из очередных задач историколитературной науки» 9. В суждениях критиков Лескова можно услышать и голос революционера-разночинца 60-х годов, и голос, громко раздававшийся из правительственных сфер, и голос реакционного духовенства, добившегося в 1889 г. уничтожения шестого тома «Собрания сочинений» Лескова, где были напечатаны «Мелочи архиерейской жизни» ¹⁰, и, наконец, голос друга-читателя, в 1880—1890-е годы найденного Лесковым.

Отзывы читателей и критиков широко привлечены Белецким. Однако собранный материал позволял ему сделать более глубокие выводы о читателе Лескова, чем те, которыми он ограничился. Приходится пожалеть, что интереснейшие проблемы, связанные с читателем и поставленные Белецким в названной выше статье, не нашли всестороннего разрешения в работе о Лескове, творчество которого дает для этого боль-

А. И. БЕЛЕЦКИЙ Фрагмент групповой фотографии. Харьков, 1924 Собрание Е. Д. Безгиной, Москва

пой материал. О Лескове — читателе самых разнообразных книг (литературных, исторических, церковных, чисто научных) Белецкий не раз говорит. Но кто был тайным собеседником Лескова, к кому он обращался, создавая свои произведения? Кто тот читатель, которого Лесков обрел в конце своей деятельности и о котором он в связи с выходом в свет первого собрания сочинений говорит, что «читатель «не обманул» и, что всего важнее, поссорить с ним этого читатель действительно уже никому не по силам» 11. На эти вопросы, как и на другие, теоретически поставленные в указанной статье, Белецкий не ответил, вероятно, потому, что, учитывая тогдашние возможности издательского дела, должен был ограничивать себя в размерах книги. Интересными проблемами, намеченными Белецким, являются — «Лесков-читатель» и «Читатель Лескова» — во всех аспектах и гранях, указанных исследователем в его статье «Об одной из очередных задач историко-литературной науки».

Что могли дать Белецкому биографические и историко-литературные работы о Лескове, появившиеся после смерти писателя и содержавшие первые попытки публикации его эпистолярного наследия, первые опыты ознакомления с его биографией и и творчеством? Прежде всего следует назвать книгу А. И. Фаресова «Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем». СПб., 1904. Фаресов — беллетрист и журналист, в молодости принимал участие в революционном движении, привлекался по делу 193-х, просидел более четырех лет в тюрьме, из которой вышел значительно поправевшим — далее умеренного либерализма он уже не пошел. Будучи с 1880-х годов и до конца жизни Лескова его хорошим знакомым, он вскоре после смерти писателя начал публикацию воспоминаний о нем и его писем. Книга «Против течений» представляет собой биографический очерк и содержит попытку охарактеризовать мировоззрение Лескова, всегда шедшего, по мнению автора, «против течений всяких господствующих культов, как только он усматривал в них «соблазнителей смысла» 12. Фаресов причесывает при этом Лескова по собственной либеральной модели.

О книге «Против течений» можно сказать лучше всего словами Лескова, какими он охарактеризовал «Воспоминания об А. Н. Энгельгардте» того же автора, напечатанные в «Вестнике Европы», 1893, № 7 и 8. «Она \статья — М. Г.\ любопытна, —пишет Лесков в письме к Фаресову от 2 июля 1893 г. - но вы как будто неловко отсортовали материал, и оттого статья напоминает блюдо, которое, как говорят, «невкусно подано». У вас события, упоминаемые в письмах и рассказываемые в личных ваших воспоминаниях, катаются и перекатываются из одного угла в другой, сбивают хронологию, и в конце концов читатель получает анекдоты, а не нравоописательный очерк. что читателю нужно. Не выходит портрета, нет «характера лица и времени» ¹³. Книга Фаресова о Лескове тоже композиционно беспорядочна; не выдержана хронология событий, излагая которые автор то и дело забегает вперед, в результате чего получается расплывчатый портрет Лескова. Главная ценность книги — опубликованные в ней письма писателя, воспоминания о нем разных лиц и автора, его записи бесед с Лесковым. Однако Фаресов обращается с этими важными биографическими документами очень вольно. Слова Лескова из писем часто пересказаны автором, причем подобные переложения не оговорены, и неясно, где кончаются слова Лескова и где начинаются слова Фаресова. В книге искажены факты, имена и фамилии. В отзывах на книгу Фаресова указывалось не раз на подобное слишком «свободное» отношение к документам и фактам ¹⁴.

Белецкий — ученый, строго подходивший к историко-литературным явлениям и документам, всегда проверявший их и никогда не подпадавший под влияние недоказанных концепций, не мог доверять Фаресову. Фактическим материалом его книги он почти не воспользовался, исключая двух писем к С. Н. Шубинскому 1884—1885 (л. 78—79) 15. Вторично Белецкий ссылается на книгу, когда говорит о языке Лескова и цитирует беседу Фаресова с Лесковым (л. 95—96; в сноске на л. 100 дана отсылка к главе в книге Фаресова — «Лесковский язык и полемика о нем»). Совершенно ясно, что книга Фаресова не стала для Белецкого источником достоверных сведений, и он почти обошел ее.

Немного дала ему и книга А. Л. Волынского о Лескове 16. Волынский — критик и публицист, философ-идеалист, идеолог декадентства, противник реалистического искусства и революционно-демократической критики. Он рассматривает творчество Лескова в свете своих идеалистических убеждений. Для Волынского существуют два писателя Лескова, один — плохой, другой — хороший. Плохой Лесков откликается на явления общественной жизни, и за это критик обвиняет его в лицемерии и легкомыслии. Он дает отрицательную оценку публицистике Лескова, произведениям, где изображена современная жизнь и где блестяще проявился сатирический талант писателя («Смех и горе», «Воительница»). Он не приемлет последнего периода в литературной деятельности писателя, не считает художественными легенды, стилизованные под рассказы из «Пролога», и особенно незаконченную повесть «Чертовы куклы», полагая их художественной неудачей Лескова и его идейным заблуждением. Игнорируя полнокровное реалистическое изображение жизни в произведениях Лескова, отказывая им в художественности, критик одобряет только те, где «под внешними событиями рассказа струится тихая религиозная стихия, неразлучная с душой Лескова» (с. 69). Волынский ценит у Лескова его образы праведников, которые толкует при этом односторонне. Не останавливаясь на этическом содержании этих образов, он видит в них только людей, тянущихся к богу, душу которых писатель мастерски изображает. Критика восхищают праведники «Соборян». Особенно выделяет он сцены их смерти, т. е. моменты их соединения, по его словам, с богом.

Субъективность Волынского, проявленная в оценке Лескова, была враждебна Белецкому. Ему, воспитанному в годы учения и научной юности в школе позитивизма (Александр Н. Веселовский, А. А. Потебня), был глубоко чужд воинствующий идеализм Волынского. В 1920-е годы он уже стремился овладеть материалистическим методом в истории литературы. Путь его вхождения в марксистскую эстетику был сложным и трудным. Для этого ему понадобилось несколько лет тщательного изучения трудов классиков марксизма.

Однако в работе Волынского есть интересные мысли и тонкие наблюдения, например, об изографической манере Лескова в изображении праведников. Действительно, писатель любил и хорошо знал древнерусскую иконопись, разбирался в ее школах. И, конечно, вопрос о Лескове-изографе, перенесшем в свое искусство слова приемы иконописи, нельзя отбросить, наоборот, он заслуживает всестороннего изучения. Белецкий поднял этот вопрос, когда в главе «Рассказы и очерки», анализируя лесковскую портретную живопись, утверждает, что при изображении внешности своих праведников писатель исходил от лицевого подлинника. При этом он дважды ссылается на книгу Волынского (л. 94) 17. Заслуживают внимания и наблюдения Волынского над стилем Лескова, котя они несколько импрессионистичны. Однако сделаны они тогда, когда стиль Лескова еще не привлекал внимания критики. В главе «Романические хроники», ссылаясь на Волынского, Белецкий указывает на пристрастие Лескова к эпитету «тихий» при описании Савелия Туберозова, протопопицы, отца Захария, чтобы создать «у читателя впечатление благородного спокойствия и чинности» (л. 65). Еще раз ввел он цитату из книги Волынского, когда его словами — словами очевидца — нарисовал картину смерти Лескова (л. 33). Вот и все, что дала Белецкому книга Волынского.

Ничем не могли помочь Белецкому и статьи историков литературы — С. А. Венгерова и Н. О. Лернера. Написанная для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, небольшая статья Венгерова «Лесков» ¹⁸ отвечает прежде всего целям издания, в котором она появилась. Это — информация, где не поставлено никаких научно-исследовательских задач. Несколько иной характер имеет написанная Н. О. Лернером глава о Лескове в «Истории русской литературы XIX в.» 19, где автор стремится нарисовать литературный портрет писателя, охарактеризовать, правда в общих чертах, вичем не доказывая своих утверждений, его мировоззрение и отношение к литературе как «служение» большим этическим идеям. Всем своим творчеством Лесков хотел служить людям, говорит Лернер, но у него не было ясных убеждений. Он моралист, однако Лесков-художник был выше Лескова-моралиста. По силе своего таланта он стоит в том же ряду, что Толстой, Тургенев, Щедрин, Достоевский, «но по впутренней цельности, по степени проникновенности идеалами, которыми жили эти люди,— Лесков гораздо ниже их» (с. 208). Эти общие замечания предваряют характеристику жизненного и литературного пути писателя. Начал он как публицист, но не был политиком и допускал существенные ошибки, как это было, например, в статье о «Петербургских пожарах», или в оценке нигилизма в романах. Не будучи в литературе политиком, Лесков не примыкал ни к «чьему знамени», хотя своего не имел. Но далее Лернер утверждает, что «после Толстого и Достоевского Лесков решительно наиболее ярко выраженный религиозный ум во всей русской литературе XIX века» (с.219). Так называет Лернер одну за другой черты в создаваемом им портрете, не замечая, как они противоречат друг другу, не ложатся в общую систему. Естественно возникает вопрос: а не был ли политиком религиозный писатель Лесков, когда выступал против преследований раскольников; когда сатирически изображал многие стороны архиерейской жизни и горячо полемизировал с церковниками? Для Лернера не существует вопроса, почему писатель не только не принял нигилизма, но даже страстно обрушился на него и, вместе с тем, почему его привлекали люди идейные, нравственно чистые, искавшие пути в революцию? Его не занимает вопрос, на каких позициях стоял Лесков в общественнополитической борьбе своего времени? Констатация отдельных черт мировоззрения писателя, иногда неожиданно отмечаемых, без внутренней связи с ранее указанными, не приводит Лернера к созданию целостного портрета Лескова.

Нам пришлось подробно остановиться на работе Лернера, так как ее можно рассматривать в качестве итога, к которому пришло изучение Лескова в предреволюционные годы. Были еще статьи по частным вопросам, но так ярко нигде не проявился научный эмпиризм, свойственный академическому литературоведению конца XIX — начала XX в. Даже в самые ранние годы своей научной деятельности Белецкий не был эмпириком; он опирался на факты и, анализируя, обобщая их, приводил в общую систему. Статья Лернера глубоко чужда ему по своему методу; она не дала ему ни интересных новых фактов, ни оригинальных мыслей и наблюдений.

В сущности, Белецкий начинал работу о Лескове на чистом месте: не было, как мы видели, ни более или менее полного собрания сочинений писателя, ни исчерпывающей библиографии его произведений, ни справочника научно-критической литературы о нем, ни исследований, на которые можно было опереться, чтобы идти дальше. Все нужно было сделать самому.

2

Что же представляет собой исследование Белецкого? Оно состоит из неравных по объему разделов:

- І. Личность Н. С. Лескова и его общественная среда (л. 1-33).
- II. Творчество Лескова (л. 34—108); состоит из трех глав: 1. Романы; 2. Романические хроники; 3. Рассказы и очерки.
  - III. Лесков в истории русской литературы (л. 109-117).

Последуем за Белецким и постараемся дать анализ каждого раздела. Но прежде чем перейти к нему, нельзя не сказать о том, как написана работа. Она принадлежит не только талантливому ученому, но и большому мастеру слова. Научный язык Белецкого образен и выразителен, точен и лаконичен; исследователю удалось вложить в работу объемом в 7,5 печатных листов большое содержание, насытить ее не потерявшими и сейчас ценности мыслями. Чтобы избегнуть голословности, ограничимся одним примером. В начале книги Белецкий рисует внешний облик Лескова, воспроизводя в слове его портрет кисти В. А. Серова: «Лицо с крупными и резкими чертами, седые, взъерошенные, редеющие на верху широкого лба волосы и резкая мучительная складка между бровей, из-под которых смотрят глаза, «колючие черные глаза», пристальным, словно вопрошающим взглядом; и не то слегка усмехающееся, не то болезненное выражение губ, затененных усами и небольшой белой бородою. На писателе полосатая блузка — та самая длинная кофта из светлой полосатой бумазеи, в которой обыкновенно заставали его гости, приходившие навестить старика...» (л. 3). Белецкий точно передал внутреннее содержание портрета Серова, мастерски перевел его с языка живописи на язык словесного искусства. Приведенная цитата — типичный образец выразительного и компактного стиля ученого.

На первую часть — «Личность Н. С. Лескова и его общественная среда» — заметнее всего наложили печать годы, когда создавалась книга. Марксистский метод все более завоевывал позиции в советском литературоведениц, однако еще не было выработано на основе изучения работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина строгих и точных критериев, из которых должно исходить научное исследование литературных явлений. Очень часто к марксистам относили тех, кто, игнорируя художественное своеобразие литературных произведений, обращал внимание лишь на содержание, пытаясь оценивать его с социологической точки зрения. В суждениях о творчестве писателя решающее значение придавалось тогда его происхождению, принадлежности к определенному классу.

В начале 1920-х годов Белецкий, как и многие его современники, например, П. Н. Сакулин, В. А. Келтуяла и другие, ищет своих путей в социологическом изучении литературы; недостаточное знакомство с марксистской теорией не дает ему еще правильного направления в поиске. Однако вульгарный социологизм, складывавшийся как особое методологическое направление в советском литературоведении в начале 1920-х годов, пышно расцветший во второй половине 1920-х и в первой 1930-х годов, был всегда чужд Белецкому, и в своей работе о Лескове он не определяет прямолинейно классовой природы его творчества, хотя и придает значение социальной среде писателя и тому влиянию, которое она оказала на его творчество. Формалисты 1920-х годов провозглашали примат формы над содержанием, их интересовал вопрос о том, «как» сделано художественное произведение, Белецкий же не отрывает «что» от «как» (композиция, слог, стиль, поэтика), они выступают у него как единая целостная система, где все элементы взаимно связаны и обусловлены.

Приступая к изучению творчества Лескова, Белецкий предложил план, где намечает узловые вопросы для всех разделов исследования:

Lurusoma H. C. Menska u su obujeambennaa opeka

Andre in the Agriculture and the Control of the Con

Participa so to to committee participation of source there of man, more relative to the committee of the com

исследование А. И. БЕЛЕЦКОГО о Н. С. ЛЕСКОВЕ Автограф, 1923

Обложка и первая страница рукописи Собрание П. А. Белецкого, Киев

«Изучить произведение литературы, как мы знаем, это значит составить себе понятие о материале, выбранном писателем, о расположении и строении этого материала (композиция), о его словесном выражении (слог), и, наконец, о его оформлении, то есть приведении его разнообразных элементов к известному единству, сообщающему произведению тот своеобразный характер, который в искусстве мы называем стилем. Этот стиль не является чем-то ниспосланным писателю свыше, а вытекает из общих художественных убеждений писателя, в свою очередь определяемых его мировозэрением в целом. Поскольку личность является малой частью той или иной социальной группы, художественные убеждения писателя (назовем их его поэтикой) определяются убеждениями той литературной группы, к которой он принадлежит, а его мировоззрение — мировоззрением той общественной группировки, сословия, класса, из которого писатель вышел или с которым он связал себя в течение своей деятельности. Так намечаются перед нами предметы изучения: произведения Лескова со стороны их материала, композиции, слога и стиля, его поэтика и обусловливающее ее его мировоззрение, его литературная и общественная группа, представляющая в свою очередь часть большой социальной группы, находящей в литературных созданиях выражение своих специфических особенностей, — и, наконец, его личность, которую мы можем взять за отправную точку при нашем ознакомлении с элементами, составляющими явление, которое в русской литературе называется творчеством Н. С. Лескова» (л. 2-3).

Можно лишь поставить Белецкому в заслугу, что в 1923 г. он наметил в работе о Лескове те задачи, которые позднее твердо вошли в наше литературоведение. Однако сейчас же приходится оговориться: собственно говоря, исследователь остановился на полнути. В первой части работы «личность писателя» и его «общественная среда»—аморфны. Хотя он и ставит перед собой цель — «выяснить зависимость личности от ее социальной среды и ее отношения к борьбе общественных сил в момент выступления и дальнейшей работы в литературе» (л. 5) эднако не осуществляет этой цели. Каково участие Лескова в общественно-политической борьбе 60—90-х годов? Белецкий едва касается этого вопроса: его внимание привлекают те идейные влияния, которые он впитывает от общения со средой. Сложные противоречия мпровоззрения и творчества

Лескова как отражение социально-политической борьбы его времени, как отражение сильных и слабых сторон освободительного движения второго, разночинского, его периода — об этом Белецкий не говорит. Да и нельзя, по сути, предъявлять к нему такого требования. Ленинские работы о Л. Толстом и Герцене, о роли сословий и классов в русском освободительном движении еще не стали тогда методологической основой советского литературоведения.

В первой части исследования Белецкий взял «за отправную точку» личность Лескова, ключ к которой он находит в его происхождении и среде, с которой был связан писатель. «Предметами изучения», намеченными в «научной программе», предложенной Белецким, исследователь займется во второй части — «Творчество Лескова». Однако нельзя не признать, что отрыва социальной личности Лескова от его творчества не произошло: в первой части для анализа привлекаются произведения Лескова, а во второй произведения объясняются мировоззрением писателя, порожденным его социальной средой. Важно лишь то, на чем сделан акцент. Именно такая структура монографии с выделением двух разделов (1. Биография. 2. Творчество) надолго сохранится в лесковиане. Последовавшая за работой Белецкого через два десятка лет монография о Лескове Л. Гроссмана построена по той же схеме ²⁰. В главе «Лесков», написанной В. А. Гебель, для академической десятитомной «Истории русской литературы», та же композиция ²¹. Избежал ее несколько Б. М. Другов, разбив биографический материал по главам, согласно принятой им периодизации творчества Лескова 22. Повидимому, Белепкому было тесно в пределах избранной им схемы. Для исследовательской манеры Белецкого в дальнейшем станет естественным рассматривать творчество писателя в единстве всех определяющих элементов, без дробления на отдельные замкнутые части: биография и творчество. В центре его научных исследований всегда будет находиться вопрос об отражении писателем действительности с ее идейной общественно-политической борьбой (причем «что отражено» неразрывно связывается с «как отражено»), вопрос о его месте и в этой борьбе и в историко-литературном процессе. Чтобы дать такой обобщенный портрет писателя, исследователь привлекает все возможные факты: биографические, исторические, литературные и т. п. Монография о Лескове — пока еще лишь предвестник будущей методики исследования. Несмотря на то, что в ней есть научная фразеология прошлых лет, существо ее обращено вперед в наше время. В этом ее значение.

Происхождение Лескова, отмечает Белецкий, было сложным — в нем скрестились разные сословные линии (дворянство по матери, чиновничество и духовное звание по отпу, купечество по бабушке). Рассказав о происхождении Лескова (как обычно это делают и сейчас биографы писателей, художников, ученых и лиц других профессий), Белецкий заключает: «Так с четырьмя сословиями сразу— и ни с одним в особенности- был связан Лесков своим рождением» (л. 5). Его связи с помещичьим классом не были прочными, но в детстве он жил в усадьбе, и крепостная действительность живо вапомнилась; память хранила типичные ее эпизоды и сцены, порожденные ею характеры. Писатель смог впоследствии создать ряд повестей и рассказов, «составляющих в целом нечто подобное автобиографическим романам других русских писателей» (л. 5) — Аксакова, Л. Толстого, Гарина-Михайловского, Короленко. Это — «Пугало», «Зверь», «Овцебык», «Несмертельный Голован», «Юдоль», «Томление духа», «Тупейный художник», «Незаметный след». Справедливо признавая, что биограф Лескова располагал тогда — к 20-м годам XX столетия немногими фактами, особенно для первой половины жизни писателя, Белецкий искусно отделяет в произведениях «вымысел» от «правды» и воссоздает живую картину детства и отрочества Лескова. Надо признать, что проблема «Wahrheit und Dichtung» — одна из значительных в нашей литературной науке, и ее постановка в изучении такого писателя— выдумицика, собирателя замысловатых сюжетов, анекдотов, как Лесков, остается пока полностью неразрешенной. Многое можно еще здесь сделать. Белецкий дал лишь первоначальную наметку.

Как сказалось происхождение писателя на его творчестве, об этом исследователь почти не говорит, не следуя, таким образом, вульгарно-социологическим канонам 1920-х годов. Его интересует социальная среда, пестрая и разнообразная, в которой вращался писатель и которая дала ему много жизненных впечатлений: патриархаль-

ный быт небогатой помещичьей усадьбы, позволивший ему «уже в детстве блазко наблюдать жизнь людей земли — крепостной быт, свой и чужой, врезавшийся в его память с удивительной яркостью» (л. 5), чиновничья среда, когда после смерти отца, с 16 лет, ему пришлось служить в разных канцеляриях (в Орле и Киеве), на баржах промышленника Шкотта, а после переезда в Петербург — редакции газет и журналов, министерские комитеты, где зоркий глаз писателя многое подмечает, чтобы затем облечь в художественную форму очерка, рассказа, повести, романа. О жизненном материале произведений Лескова Белецкий судит, исходя из их содержания. Он удачно объясняет порой, почему писатель отобрал тот или иной сюжет, ситуацию, героев, индивидуальными чертами характера Лескова: «страстностью темперамента», его «необузданностью», «неспособностью к беспристрастию», «полемической несдержанностью», «несклонностью легко прощать обиды».

Эти черты личности сыграли, как подчеркиват Белецкий, немалую роль в конфликте Лескова с революционными демократами, длившемся с 60-х годов до половины 70-х. Проживший до окончательного переезда в Петербург 30 лет в провинции, где ему пришлось лишь поверхностно ознакомиться с утопическим социализмом и стихийным материализмом, далекий от круга «Современника», начавший печататься в либеральной прессе, он не понимал идейно-политической борьбы 60-х годов и не мог уразуметь, почему его статья о «Петербургских пожарах», написанная с благой целью защитить подозреваемых в поджоге студентов от самосуда разъяренной толпы, вызвала в прогрессивных кругах оскорбительный для него резонанс, отбросив его в стан реакции. Горячий, страстный темперамент, непомерная обидчивость, несдержанность — эти личные черты побудили его в дальнейшем изображать «нигилистов» в зло шаржированном виде.

Прав ли исследователь, когда, анализируя жизненный путь писателя, учитывает и индивидуальные свойства его характера? Думается, что прав. Советское литературоведение интересует сейчас вопрос о том, какое место занимает творческая индивидуальность писателя в историко-литературном процессе, как она входит во всем своем своеобразии, во всей неповторимости в то общее, что составляет литературное течение, направление в их сложных взаимодействии и борьбе, а в целом — в историко-литературный процесс. Нет нужды также отбрасывать характер писателя, когда идет речь об его идейных ошибках, заблуждениях, срывах. «Личное» (чувство обиды, отсутствие объективности, беспристрастности, повышенная возбудимость) может сыграть здесь немалую роль, и исследователь обязан выяснить, какие сложные психологические противоречия испытывает писатель при столкновении «личного» и «социального», а не полагать, что характер со всеми его индивидуальными особенностями — область, куда должны вторгаться только писатели, художники ²³.

Однако, когда Белецкий характеризует мировоззрение Лескова, складывавшееся под воздействием разных социальных явлений, у него прорывается типичная для 20-х годов фразеология: «Его «Лескова.— М. Г.» мировоззрение складывалось на основе патриархального уклада 30-х годов» (л. 13); религиозность, идеализм, привитые в детстве, не могли не привести Лескова к конфликту с материализмом 60-х годов. Однако в нем бушевала и «разночинная стихия», унаследованная от отца и выражавшаяся в интересе к злободневным социальным вопросам. Белецкий видит в личности Лескова борьбу этих стихий, мелкопоместной и разночинной, и ареной этой борьбы, считает он, стал для Лескова город. Он враждебно относится к большому городу с его зарождающейся индустрией, — ему милее спокойная провинциальная жизнь. В те годы, когда писалась Белецким его книга, анализ темы города в литературе часто служил основой для выводов о классовой природе творчества. Белецкий тоже уделяет много внимания отношению Лескова к городу и приходит к заключению: «Городская культура, дававшая о себе знать в России уже к концу 50-х годов, для Лескова была чужой культурой» (л. 13).

Однако легко возразить Белецкому, исходя из фактов биографии Лескова, на которые он сам опирается. Лесков приехал в Петербург в 1861 г. и прожил в нем до конца дней своих — большую половину жизни. Ненавистник большого города, разве не мог он найти где-нибудь в провинции, которую хорошо внал, тихий уголок? Нет, не

мог и не хотел. Потому что Петербург питал его сатирическое творчество («Смех и горе», «Чертовы куклы» и др.), потому что в Петербурге билась ключом идейная борьба, вне которой немыслим художник и публицист Лесков. Белецкий не мог еще найти основной фактор, определяющий творческий метод писателя, — его отношение к революции, его место в освободительной борьбе своего времени и вытекающие отсюда сложные противоречия его мировоззрения и творчества.

Во второй половине первого раздела социологизм несколько отступает назад, отодвинутый характеристиками Лескова-читателя и оценкой отдельных сторон его мировоззрения (отношение к расколу, православию, к Л. Толстому и толстовству). Несмотря на то что первый раздел насыщен большим материалом и в нем есть интересные наблюдения, не потерявшие и сейчас своего значения, однако он во многом еще — дань своему времени, дань научной фразеологии 20-х годов.

Все же работа Белецкого связана с политической действительностью начала 1920-х годов не только в тех ее чертах, которые остались в прошлом, но и в сильных своих сторонах. Это было время, когда велась острая борьба по вопросу о классическом наследии, когда пролеткультовцы ниспровергали старую литературу, когда В. И. Ленин выступил в защиту культурного наследия, сказав, что без овладения им не может быть построена пролетарская культура. Именно в этот момент обращается Белецкий к изучению такого сложного и противоречивого писателя, как Лесков, и создает монографию, раскрывающую непреходящее его значение. Белецкий заметил в первой части: «... ведь главная наша цель — изучение не личности Лескова, а его произведений» (л. 5). К осуществлению этой цели он переходит во втором, центральном, разделе — «Творчество Лескова».

3

Второй раздел монографии, состоящий из трех глав,—самый общирный и самый интересный. Он охватывает все жанры Лескова: романы, романические хроники, рассказы и очерки. В анализе творчества Лескова осуществлен тот план изучения литературных явлений, который наметил Белецкий. Его интересуют темы, поднятые Лесковым, и объяснение того, почему они родились, замысел и его реализация, творческая работа писателя и законы, им самим над собой признанные, определившие композицию, стиль и язык. Исследователь связывает Лескова, его темы и художественную манеру с современной общественной жизнью и литературой русской и зарубежной. Он ищет истоки своеобразного стиля Лескова в литературном прошлом, указывая писателей, у которых учился, за которыми следовал Лесков,— словом, дает представление о том, как выковывался его разнообразно-пестрый, однако единый и целостный в своей пестроте стиль.

Первая глава этого раздела — «Романы» — начинается с общей характеристики литературного наследия Лескова. Оно, - говорит исследователь, - «и хронологически, и по внутренним особенностям легко распадается на три неравные и по количеству и по качеству части. В первую входят романы, написанные им с 1864 по 1870 гг.: «Некуда», «Обойденные», «На ножах» и большая повесть «Островитяне». Ко второй мы отнесем романические хроники — лучше сказать одну широко задуманную, но не выполненную целиком хронику «Чающие движения воды», начатую печатанием в 1867 г., но получившую окончательную обработку только в «Соборянах» (1872), по первоначальному замыслу долженствовавших быть лишь большою частью еще большего целого; прочие элементы либо остались в первоначальных этюдах, либо явились в печати как самостоятельные произведения («Котин доилец и Платонида», «Старые годы в селе Плодомасове»); еще одним внешне не связанным с названной хроникой опытом был «Захудалый род» (1874), после которого к данной повествовательной форме Лесков уже не возвращается. С 1874 г. и до конпа деятельности господствующей формой у него станет рассказ, первые попытки которого начинаются вперемежку с большими романами 60-х годов: именно в этой форме, об особенностях которой у Лескова нам придется говорить дальше, писатель нашел самого себя, именно она отводит ему видное место среди мастеров русского художественного слова в XIX веке. Лесков-рассказчик живет и до сих пор; Лесков-романист принадлежит историческому прошлому, играя и там не слишком важную роль. Замолкла кипевшая вокруг этих романов перебранка, утратили остроту затронутые в них (...) вопросы, а вместе с тем и беспристрастному взгляду стало заметней художественное несовершенство этих созданий еще незрелого дарования, по признанию самого автора, сделанных торопливо и необработанных» (л. 34).

«Некуда» и «На ножах», охарактеризованные в первом разделе как антинигилистические романы, рассматриваются сейчас в новом аспекте: они нужны Белецкому, чтобы понять, как шло становление большого писателя, как, осознав позднее идейные и художественные ошибки романов, он пришел к малой форме, где достиг подлинного мастерства. «Некуда» и «На ножах» задуманы как романы об общественном движении 60-х годов. «Основная тема обоих романов — столкновение людей «настоящих», как их понимает писатель, с людьми фальшивыми, людьми фраз, ему ненавистными, — или даже с простыми негодяями, для которых громкие фразы служат лишь случайным прикрытием. Первые, настоящие люди, заметим тут же, либо живут в провинции, либо приходят из нее в городской центр; вторые — и в провинцию приходят, пропитанные ядом большого города. Таковы схемы, из которых вырастают сюжеты: менее сложный в романе «Некуда» и весьма запутанный в романе «На ножах» (л. 39).

Указав на общие черты обоих романов, Белецкий переходит к тщательному анализу «Некуда». Этот анализ не устарел. Мысли исследователя, высказанные много лет назад, и сейчас дополняют современную лесковиану, в которой изучение «Некуда» заняло прочное место ²⁴. Белецкий рассматривает роман как художественно-литературное явление, как существенную веху в литературном развитии автора, без которой не понять его дальнейшего творческого пути. В то же время это факт, характеризующий формирование политико-бытового и политико-авантюрного романа тех лет, т. е. звено историко-литературного процесса в целом.

Исходя из суждений Лескова о «Некуда» более поздних лет, Белецкий отмечает большие и малые художественные просчеты автора, еще не овладевшего литературной техникой: неполноту и недоговоренность в развертывании сюжета и развитии действия, необоснованные его перерывы и обрывы; композиционную разнородность первой части и двух остальных. При этом Белецкий устанавливает в манере письма Лескова связи с литературой первой половины XIX в. (Пушкин, Гоголь, «натуральная школа» 40-х годов, Тургенев, Писемский) и зарубежной детективно-авантюрной (Э. Сю), убедительно обнаруживая разностильность частей романа. В первой действие развивается планомернее, перебиваясь жанровыми картинами (описанием жизни в помещичьей усадьбе и в провинциальном городе), пейзажами. Композиционно эта книга близка к русским бытовым повестям 40-50-х годов и к произведениям «натуральной школы»; в описаниях Лесков следует за Гоголем (см. в главе 10 развернутое, уводящее в сторону от главной линии повествования, сравнение с перепелом петербургского немца), в лирических пейзажах идет за Тургеневым. История жизни Женни Гловацкой и ее брака с учителем Вязьмитиновым, карьеристом, превращающимся в благополучного службиста, - вариация на сюжет «Тысячи душ» Писемского. Во второй и третьей книгах вливается масса новых лиц (до ста, а в первой было двадцать шесть). Роман превращается в диалог: «новые люди» излагают свои воззрения, а Розанов спорит с ними. Третья книга дополнена анекдотами из жизни «Дома согласия».

Характерна трехсоставность сюжетной схемы: линия Лизы Бахаревой, линия Женни и линия Розанова, alter едо автора, причем они не сливаются в едином сюжетном действии. Лиза— главная героиня. Белецкий сравнивает ее с пушкинской Татьяной (она тоже много читает, но чтения ей мало, она хочет дела) и с тургеневской Еленой (подобно ей, она ищет героя), но ей нужен не один герой, а герои — «люди чести, бескорыстия и свободы», «вещих глаголов». Впоследствии Лесков настаивал, что и благородный, гибнущий за революционное дело Райнер — главный персонаж. Однако автор не ввел его в действие, не сделал главной пружиной: он остается для читателя загадочным человеком. Среди лиц из окружения Лизы обращает на себя внимание чудаковатый энтузнаст Юстин Помада, поклонник Лизы, благоговеющий перед ней как перед живым воплощением «идеи» (гл. 30), бездомный скиталец, мечтатель, уже предвещающий многие образы будущих рассказов Лескова (ср. также «Овцебык», 1863 г.) (л. 42—43).

Бытовые фигуры с типическими чертами (в первой части) оттеснены во второй и третьей шаржированными портретами живых лиц. Дадим здесь слово Белецкому.

«Точно так же нужно признать неубедительными и неоднократные оправдания Лескова от упреков в портретности изображаемых им лиц. В романе «На ножах» он вспоминает Теккерея, выводившего в своей «Ярмарке тщеславия» героиню мошенницу Ребекку Шарп с заявлением, что «Ребекка Шарп есть лицо собирательное, принадлежащее поколению англичан, действовавшему после 1818 года». — «И этим никто из честных англичан этой поры не обижался, тогда как у нас за такую вещь Теккерея, конечно, назвали бы по меньшей мере инсинуатором и узколобым дураком, который «не умел понять людей, действовавших после 1818 года».— В русской литературе Лесков мог бы припомнить Лермонтова, которому тоже приходилось доказывать в предисловии к «Герою нашего времени», что Печорин не единичный портрет, а портрет, составленный из пороков всего поколения. Разница, однако, большая между приемами создания действующих лиц у названных писателей и Лескова. Современный читатель может, конечно, не увидать в маркизе де Бараль карикатурный портрет московской писательницы графини Салиас де Турнемир, писавшей под псевдонимом Евгении Тур; он может не знать, что подобно героине Лескова, написавшей стихи на смерть двух-трех московских ученых, которых она считала своими друзьями, Е. Тур была в дружественных отношениях, например, к московскому профессору Кудрявцеву, почитала Грановского и писала о них воспоминания; что упоминая в связи со своей маркизой известную деятельницу французской революции г-жу Ролан, автор дает повод вспомнить, что враги Евгении Тур иронически называли ее «мадам Ролан со Вшивой Горки»; что имя одной из дочерей маркизы- Антонина как бы с умысломподобрано для намека на повесть Е. Тур «Антонина» (отрывок из ее романа «Племянница»), что в словах — «маркиза никогда не была по достоинству оценена своим мужем» — легко прочитать такой же намек на семейную жизнь писательницы, вышедшей замуж за французского графа и потом разошедшейся с ним, и т. д. Напомним, что рассказ о том, как маркиза выгоняет из своего дома нигилиста Пархоменку, осмелившегося перед ней непочтительно отзываться о Грановском («Некуда», ч. 2, гл. 7), сам Лесков повторяет как воспоминание о действительном происшествии в очерке «Загадочный человек» (гл. 21-22), где вместо маркизы из «Некуда», перед нами - литературная московская дама, «отличавшаяся благородством своего личного характера и горячностью убеждений», а вместо Пархоменки прямо назван Ничипоренко. Повторены также такие подробности, как привычка Ничипоренки-Пархоменки дергать носом, а во время разговора или размышления «с особенным тщанием и ловкостью выдавливать пальцем правый глаз». Детали едва ли уместные на собирательном портрете! В изображении внешности художника Белоярцева, чрезвычайно искусно подражающего народному говору, читатель нашего времени может не увидеть довольно точного фотографического портрета беллетриста-шестидесятника В. А. Слепцова, также известного своим необыкновенным уменьем воспроизводить живую народную речь и, подобно Белоярцеву, устраивавшему общежития на артельных началах («коммуны»), читавшему публичные лекции в пользу женщин и т. д. Всего этого может не знать, повторяем, читатель нашего времени: но не может он не ощутить слишком явно дыхания какой-то мести, одушевляющего перо автора второй и третьей части «Некуда»: автор на наших глазах теряет самообладание и вместо того, чтобы изображать лица, просто выталкивает их на сцену с каким-нибудь злым определением-эпитетом или язвительным замечанием вместо всякой характеристики» (л. 37-38).

Хотя в примечаниях к «Некуда» Н. И. Тотубалина фигуры маркизы де Бараль, Белоярцева и других прокомментированы, их имена раскрыты, однако Белецкий дает сверх того столь живые детали, что пройти мимо них нельзя. Они должны быть использованы в комментариях к «Некуда» и известны всем, кто заинтересуется портретной живописью Лескова. Белецкий специально изучал творчество русских писательниц первой половины XIX в. (в том числе и Евг. Тур). На эту тему в 1918 г. он защитил магистерскую диссертацию и, конечно, знал по этому вопросу многое, что не вошло еще в научный обиход ²⁵.

Нельзя не отметить, что приведенная выдержка из книги Белецкого — зародыш

Н. С. ЛЕСКОВ Фотография А. Н. Лескова Петербург, 1892—1893 Музей И. С. Тургенева, Орел

одного из тех научных жанров, который вскоре станет типичным для советского литературоведения— жанра комментария. В этом Белецкий является зачинателем. Первые комментарии Н. Л. Бродского и И. Н. Кубикова появятся позже.

Далее Белецкий характеризует разностильность романа, ярко выступающую при сравнении первой части с последующими: «...автор, в первой части являвшийся учеником русской «натуральной школы» 40—50-х гг., здесь выступает последователем французского авантюрного романа XIX в., не пренебрегая такими его стереотипами, как комнаты с потайными дверями и скрытыми в стенах слуховыми трубами, темные подвалы, где заговорщики творят свою работу, мрачные вертепы, где обитают подонки общества и т. под. (см. гл. 4, 14, 16). Русское революционное брожение оказывается в значительной мере делом польских иезуитов — и когда в 5-й главе автор заставляет старого поляка Ярошиньского, сбросив парик, обратиться в энергичного и хитрого незуита Кракувку,— мы узнаем в романисте Стебницком прилежного читателя романов Эжена Сю» (л. 44).

Анализ «Некуда», предложенный Белецким, методически поучителен для любого, желающего проникнуть в тайны литературной техники молодого писателя Лескова. Исследователь демонстрирует здесь тонкое умение в единой системе рассматривать содержание и структуру произведения в целом и в отдельных ее элементах и соотносить их с литературой первой половины XIX в.

Не менее мучительными были у писателя поиски повествовательной манеры в двух последующих романах: «Островитяне» и «Обойденные». В них новая — любовная — тема, едва намеченная в «Некуда». Но она явно не далась автору. Зато в изображении петербургских немцев («Островитяне»), напоминающем отчасти диккенсовскую манеру, уже возникает будущий Лесков, мастер бытового гротеска.

Замысел «Обойденных» — «изобразить маленьких, обойденных вниманием современной литературы людей, не являющихся ни «героями русского прогресса, ни свиреными ретроградами», людей со слабостями, но честных с собою и в своем малом кругу осуществляющих, по мере уменья, благое дело, о котором только говорят мнимые

герои» (л. 47). Героини обоих романов развивают образы Лизы и Женни, а художник Журавка — «вариация излюбленного Лесковым типа беспутного, но честного малого, несколько чудаковатого на вид, но с золотым сердцем (Помада в «Некуда»)» (там же). Главный герой «Обойденных»— писатель Долинский, тип «лишнего человека», в литературе 60-х годов уже ставший шаблоном. Интересна здесь попытка сделать романы лирическими. Этому служат растянутые лирические диалоги и лирические рамки. Так, в «Островитянах» вступление — своего рода поэма в прозе о петербургской Миньоне, напоминающей автору его героиню Маню Норк. Неожиданно для читателя подобные лирические страницы в обоих романах переходят в стихи. Впоследствии Лесков более не прибегает к такому приему, отмечает Белецкий. Однако и это его частное наблюдение будит вопрос о том, как отказ от использования в прозе метрики привел Лескова к работе над своим, только ему свойственным ритмом повествования.

«На ножах»— явное свидетельство падения художественного уровня лесковского романа, утверждает исследователь. В первом разделе своей книги он охарактеризовал нигилистов, героев «На ножах», как «бандитскую шайку», а теперь он рассматривает роман в целом как продукт бульварно-детективной беллетристики. «Карикатурные фигуры «Некуда» превращаются здесь в резкие шаржи или в шаблонные образы злодеев, без какой бы то ни было русской бытовой окраски. Фабула развивается не только в духе авантюрно-уголовного романа XIX в., но и «страшного» романа конца XVIII в. (Льюис, Радклиф), которыми Лесков увлекался в годы отрочества, а «подвиги» в конце романа ловких сыщиков, раскрывающих преступления, окончательно придают ему (роману «На ножах».— М. Г.> характер русского Пинкертона 70-х годов» (л. 51).

К этим типам романа восходят приемы занимательности, на которых у Лескова держится развитие действия. Белецкий отмечает названия глав, которые должны заинтересовать и даже потрясти читателя, постоянные недосказывания и намеки на тайну, которая в конце концов оказывается незамысловатой. Самым сильным эффектом для автора являются описания стихийных бедствий (внезапно вспыхивающие пожары, волнения народных масс) и контрасты (нигилисты, не верящие ни в сон, ни в чох, а тут же крестьяне с первобытными верованиями и т. п.). В работе Белецкого очень ценны наблюдения над тем, как решалась Лесковым проблема занимательности в романах. Интересно сравнение приемов занимательности Лескова и Достоевского. Критика считала идентичными «На ножах» и «Бесы» и объединяла их под общим заглавием «Бесы на ножах». Однако для Белецкого они глубоко различны. «Бесы» —не только «книга большого гнева», но и «книга большой мысли», а потому природа авантюрности и занимательности у Достоевского иная, чем у Лескова. Поучительна сама постановка этого вопроса Белецким: Лесков — один из самых занимательных повествователей в русской литературе XIX в. Надо думать, что опыт романов «Некуда» и «На ножах» все же обогатил писателя. Проблема занимательности у Лескова, намеченная в работе Белецкого, и сейчас ждет исследователя 26.

Интересна также для литературоведения сегодняшнего дня мотивировка Белецкого, почему он детально охарактеризовал неудачные романы Лескова. Сделано это отнюдь не для полноты обзора. «Изучая писателя в целом,— объясняет он,— мы не вправе отсекать от этого целого части, представляющиеся несовершенными: неудачи художника не менее показательны, чем его достижения...» (л. 53). Рядом с промахами в романах можно увидеть и «предвестия будущего Лескова», которых немало, даже в «На ножах». Исследователь указывает многие из них.

1.

Вторая глава основного раздела книги «Романические хроники» посвящена новому для Лескова хроникальному жанру. Это прерванные печатанием «Чающие движения воды» (1867), «Старые годы в селе Плодомасове» (1869), «Соборяне» (1872) и «Захудалый род» (1874). Центральное место занимают здесь, по мнению Белецкого, «Соборяне», потому что в них ярче всего сказались типические черты хроники. «Соборяне» охарактеризованы как «значительный факт в художественном развитии Лескова». Белецкий подтверждает эту мысль анализом произведения и доказывает, что в «Соборянах» пре-

одолена старая романическая манера, что они — естественный переход к рассказам и очеркам второй половины деятельности писателя. Он останавливается на творческой работе Лескова над хроникой «Чающие движения воды» и над «Соборянами», неразрывно связанными с ней. Заглавие «Чающие движения воды» должно вызвать мысль об известном евангельском рассказе про больных и калек, ожидающих целебного погружения в заволновавшуюся воду Силоамской купели. Перед нами как будто опять замысел общественного романа; но местом действия его будет не крупный городской центр, а хорошо знакомая и милая автору русская провинция накануне 60-х годов, а героем не одна какая-либо личность, а коллектив — население Старого города на реке Турице, где-то в средней полосе России. Старый город многое видывал на своем веку: бунтовал он когда-то против насильственно вводимого князьями христианства, позже — против «никонова исправления»: теперь, накануне «движения воды», успо-коился, погрузившись в сонную одурь полуживотной жизни (л. 55).

Дав эту картину сонного, застывшего в неподвижности Старого города, Белецкий сейчас же указывает два подобных образа города — будущий городок Окуров и хронологически более близкий щедринский город Глупов. Это — деталь, однако имеющая большое историко-литературное вначение. Следует всегда знать литературную родословную того или иного художественного образа, особенно если он заключает большое
идейное содержание. Тем не менее приходится отметить: пока еще никто не обратил
внимания на родственность городов Лескова и Щедрина ²⁷. Описание Старого города
в «Чающих движения воды»— 1867 г., а через два года, в 1869 г., возник щедринский
Глупов. Есть ли между ними идейно-художественные связи? Если есть, то чем они обусловлены? В чем отличие Щедрина, создавшего антиправительственную, антисамодержавную сатиру, от Лескова, с его незавершенной романической хроникой, где еще не
до конца преодолена враждебность к «нигилистам»?

Остановившись затем на внешней истории создания «Соборян», подобно той, которую предложил позднее И. З. Серман во вступительной заметке к хронике, Белецкий переходит к ее анализу, занимающему в этой главе монографии центральное место. Для Лескова, замечает исследователь, «Соборяне»— произведение, создавшее ему «впоследствии известность и за пределами России» и открывшее собою «новую страницу в истории его творчества» (л. 57).

Как и роману «Некуда», Белецкий уделяет «Соборянам» много внимания. Его тонкий анализ хроники позволяет увидеть в ней наличие новых художественных тенденций в творчестве Лескова и наметить перспективу дальнейшего творческого пути, приведшего писателя к главному его созданию — к очеркам и рассказам. Белецкий начинает с характеристики замысла хроники: автор хочет показать здесь борьбу старого хорошего с дурным новым и изобразить в лице Туберозова идеального представителя русского духовенства, борца не только с новыми умствованиями, но и с косностью окружающей его среды и с находящейся «в глубине фона» консисторией, а, самое главное, борца против торговли совестью. Ценны наблюдения Белецкого над композицией хроники. Скажем об этом его словами:

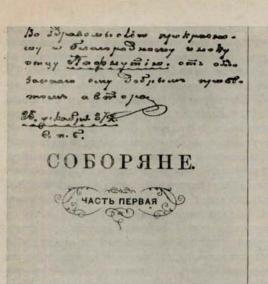
«Центр внимания художника в этом новом произведении переместился от событий (сюжета) к быту, воплощенному здесь в трех лицах, обитателях старогородской «поповки» (церковной усадьбы, предоставленной для жительства священникам и другим членам церковного причта). Это не значит, что от сюжетности автор отказался: внешняя фабула дана и развертывается она не менее, если не более причудливым знгзагом, чем в романах Лескова. Но за «внешним» сюжетом слишком ясно видеп другой, внутренний. Внешнее — это анекдот о том, как учитель-«нигилист» Препотенский, получив для своих занятий скелет, возмутил своей возней с мертвыми костями простодушного дьякона Ахиллу Десницына; из-за костей Ахилла вступил с Препотенским в борьбу, переходящую в борьбу с вольнодумством вообще, захватившую и протопопа Савелия Туберозова; заезжий чиновник Термосесов, бывший нигилист, теперь делающий карьеру доносами, пользуется этим случаем, чтобы провоцировать Туберозова на якобы преступные выпады против властей предержащих; дело кончается тем, что протопопа под надзором квартального и консисторского чиновника увозят в город, запретив ему проповедничество и службу в церкви и консисторскими кляузами ускорив его

смерть. Подле этого основного узора вьются вправо и влево побочные: анекдоты и вставные рассказы, большие и малые, вырастающие из игры слов и придающие повествованию особенную затейливость. Мы не будем на них останавливаться, ограничившись кратким перечнем их, который внимательный читатель «Соборян» сможет самостоятельно дополнить; * самые крупные из вставных эпизодов — история карлика, крепостного помещицы Плодомасовой, Николая Афанасьевича (ч. 2, гл. 2-4), впоследствии не раз печатавшаяся Лесковым отдельно, и рассказ об именинах уездной почтмейстерши, с заключительным комическим эпизодом на тему, много раз использованную до Лескова и в старинной новелле, и в водевиле (в припадке ревности почтмейстерша избивает Препотенского, приняв его за своего мужа), также лишь косвенно связанный с основной фабулой. Первое впечатление от этого внешнего сюжета то же, что от рассказов вернувшегося из Петербурга Ахиллы -- «пестро, громадно, нескладно». Своим подзагодовком — «Хроника» — автор и хотел заранее отвести от себя упрек в причудливости строения: стройности и единства сюжета, которых требует роман, нечего требовать от хроники, записи событий в порядке их временной последовательности. Но нестройность эта на самом деле только кажущаяся: в расположении эпиводов есть обдуманный замысел. Легко заметить, что они следуют друг за другом в порядке известного контраста и нарастания» (л. 57-58).

Например, вначале дано изображение жизни обитателей «поповки» с ее мелочами, а затем — страницы из дневника Туберозова, рассказывающие о событиях его внутренне богатой жизни; далее: «старая сказка», история карликов помещицы Плодомасовой, и «новые люди» с их действиями — «две стихии, одна обвеянная романическим умилением автора, другая его злою иронией» (л. 58). Главный герой хроники Туберозов ведет борьбу не только с представителями «умствований»— с учителем Препотенским и его сторонниками, но и со своей средой: «Последний удар протопопу наносят не «новые люди», а консистория...» с ее бюрократизмом: «...именно из-за нее протопопу приходится слишком быстрыми шагами перейти от жизни к «житию» и к могиле» (там же). «Новые люди» тут не сыграли никакой роли: учитель Препотенский хотя и родственен Висленеву («На ножах»), — персонаж комический, а Термосесов хотя имеет сходные черты с Гордановым (оттуда же), но у него нет ничего общего с «новыми» людьми. Это — типически бытовая фигура мошенника и карьериста. Хотя в «Соборянах» есть элемент сатиры на нигилизм, но это побочная, а не ведущая линия.

В композиции образа Туберозова главную роль играет его «демикотоновая книга». «Дневник Туберозова — это, с одной стороны, его биография до момента начала действия хроники, а с другой, история его внутренней жизни, его характеристика и защита» (л. 60). Отец Савелий, подобно некрасовскому попу из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», говорит о многих бедствиях своей поповской жизни. Сначала он — типически бытовая фигура, правда, не сельского, а уездного священника, он - лучший из рядовых представителей своего сословия, человек с честными намерениями, религиозный без всякого сектантства или фанатизма, человек талантливый, одаренный оратор; однако практика жизни ставит перед осуществлением его порывов непреодолимые препятствия. Духовное начальство запрещает ему выступать, и он убеждается, что лучше него проповедует исправник со своей «миссионерской снастью о нескольких концах». Его возмущает вмененное в обязанность проповедование раскольникам «истинного» православия, волнует нищенское существование мелкого духовенства. Все, за что заступается он, приносит ему от начальства консисторские взыскания. Между тем он начинает опускаться (играть в карты, курить, выпивать), в нем развивается тщеславие, по его словам, он «обмелел, обмелел всемерно». Поначалу, полагает Белецкий,

^{*} Вот несколько образчиков (страницы по изд. 1897 г., т. I): в дневнике Туберозова (т. I, гл. 5): 1) анекдот о движимом и недвижимом имуществе, 33—34; 2) меткий ответ священника сановнику, 65; 3) московский профессор, обвиненный в вольнодумстве, 68; 4) вольнодумные вопросы мальчика Алеши законоучителю, 83; 5) история о суррогате, 89; 6) фальсификация чуда, 90 и др. Или в 3-ей части: 7) как архиерей проучим жандарма (гл. 3, 216); 8) что значит «бездна призывает бездну», 223 28; 9) офицер и денщик (гл. 7, 233); 10) легенда об источнике (гл. 17, 259).— В 4-й, между прочим, анекдот о масштабе (гл. 2, 347), повторенный Лесковым в рассказе «Железная воля», и много иных (примеч. А. И. Белецкого).

соворяне.

СТАРГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

Посвящается графу Адексвю Константиневнчу Тодстому.

н Лвскова

No. of London

16 СКВА.
Въ Университетской типографія (Катковь и К°.),
«« Стратисть будавар».
1872.

Н. С. ЛЕСКОВ «СОБОРЯНЕ» М., 1872

Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью: «Во здравомыслии прекрасному и благородному иноку *Пафиутию* от обязанного ему добрым приветом автора. 25 декабря 872. СПб.» Литературный музей, Москва

дневники рисуют «обыкновенную историю» с типически-бытовой фигурой. Но для Лескова Туберозов — «большой человек». Это подчеркнуто физическим его портретом, в котором отмечены мужественная красота, волосы, «подобные гриве матерого льва», и кудри «Фидиева Зевса». Его близким (жене, дьякону Ахилле, отцу Захарию) он представляется воплощением мудрости, а сам автор видит в нем «человека веры, гражданина-патриота и философствующего мыслителя, в каждом слове которого блестит здравый ум и слышится задушевная искренность» (л. 62). Однако Туберозов не так «обмелел»; он неспособен идти на компромиссы, отказаться от убеждений. Белецкий выделяет в композиции образа Туберозова, «самого драматического, по словам автора, лица в повести», моменты, характерные именно для драмы: «в первой части (...) дана экспозиция его драмы (дневник); во второй — сопоставление борющихся сил (за Туберозовым — «старая сказка», за его врагами — «новые» люди); третья — дает изображение кульминационного пункта борьбы (выступление Туберозова с обличительной проповедью, гл. 24-22), предваряемое символическим моментом — описанием грозы, застигающей протопопа во время поездки (гл. 17-19), после которой «орлу обновились крылья» (гл. 19); части 4 и 5 отведены катастрофе и развязке» (там же).

Туберозов не надломлен, не повержен. Завершая анализ его образа, Белецкий делает такой вывод: Туберозов — «не столько тип, обобщающий бытовые наблюдения Лескова, сколько символический образ идеального служителя русской церкви (...) Легко видеть, что этот образ идеального священника довольно заметно отличается от других идеальных образов служителей христианской церкви, созданных западноевропейскими и русскими писателями» (л. 63) 29.

Таким же художественным обобщением, которого не было еще ни в одном романе, является другой главный герой — дьякон Ахилла Десницын. «Если в изображении Туберозова автор редко выходит из высокого патетического тона — Ахиллу Десницына он изображает с мягким юмором» (там же). Ахилла — излюбленный тип Лескова:

русский богатырь, лишь вставленный в сословную рамку, близкий по приемам создания таким героям мировой литературы, как Эйленшпигель из немецкой народной книжки или Санчо Сервантеса. «В формальном отношении образ Ахиллы свидетельствует о художественном прогрессе автора не меньше, если не больше, чем образ Савелия Туберозова. Ахиллу удалось показать со всей рельефностью, не прибегая ни к пространной внешней и внутренней характеристике, не заставляя его ни говорить о себе много, ни излагать в дневнике свою биографию. Он раскрывается весь в действии — главном, где он выступает как верный оруженосец любимого и чтимого им протонопа Савелия, и побочных, дополняющих его облик характерными бытовыми штрихами. Ахилла прежде всего — казак, степной киргиз, мужик живого сложения, и только затем дьякон; он и по внешности своей богатырь, и недаром чисто эпическими штрихами зарисовывает его портрет автор — в ряду других обывателей, купающихся в речке на ранней летней заре. «Нагой богатырь с буйной гривой черных волос на большой голове (...) на могучем красном коне, сердито храпящем темноогненными ноздрями» (л. 64).

Окружение Туберозова — «мягкосердечная Русь», которой умиляется автор: кроме Ахиллы, добряк Пизонский («Старгородский Робинзон» первой хроники, «Котин доилец»— из одноименного рассказа), смиренный отец Захария, кроткая протопопица, карлик Николай Афанасьевич, просвирня — мать Препотенского. Им автор симпатизирует и, рисуя их, «находит в своем языке слова, необходимые для создания у читателя впечатления благородного спокойствия и чинности» (л. 65). При описании настроений и состояний этих героев Лесков прибегает часто к эпитету «тихий», замечает Белецкий, солидаризируясь здесь с Волынским. Зато у антагонистов отца Савелия, например у Препотенского, нет никакой «изящной благопристойности»: все крикливо и шумно. В их изображении отсутствуют элементы памфлета на определенных лиц, как было в «Некуда». Они — карикатурны, изображены простыми приемами комического. В Препотенском подчеркнуты автоматизм, механичность, «он создан, как забавная детская игрушка, на пружинке выскакивающая из ящика» (л. 66). По приемам изображения он — клоун; материалистические воззрения 60-х годов в его лице приобретают характер буффонады. А он и его партнерша Бизюкина — единственные идейные противники Туберозова. Вернувшись к замыслу романа -- «изобразить столкновение хорошего старого с дурным новым», Белецкий приходит к выводу: едва ли Лесков задачу эту выполнил в хронике. «Едва ли можно признать также, что в ней дано всестороннее изображение быта русского духовенства. Это не мешает большинству действующих в ней лиц быть живыми людьми и самому произведению значительным фактом в художественном развитии Лескова» (л. 67).

Предваряя будущих исследователей Лескова, например В. А. Гебель 30, он характеризует творческую работу автора над языком хроники, становившимся в ее результате лаконичней и выразительней, над диалогами и речью персонажей. Он указывает, откуда черпал Лесков выражения, создающие впечатление «старомодной чинности» языка Туберозова (Духовный регламент, Библия). И, наконец, Белецкий рассматривает «Соборян» в ряду других повестей о духовенстве (Хвощинская, Никитин, Помяловский, Решетников, Марко Вовчок и др.), привлекает поэму «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, что позволяет ему найти индивидуальные лесковские черты в трактовке темы. Особенно важно замечание Белецкого о книге священника Беллюстина «Описание сельского духовенства» (1858) как давшей толчок к написанию «Соборян». Стоит сказать об этом словами Белецкого: «Действительно, до «Соборян» в русской литературе было немного произведений, главными действующими лицами которых являлись бы духовные лица; немного и таких, которые давали бы картину жизни сословия в его целом. Эпизодические фигуры священников и монахов, на втором и третьем плане, мы найдем в разных произведениях русских писателей первой половины века: в 1857 году Хвощинская (Крестовский -- псевдоним) попыталась дать повесть из жизни семинаристов, известной ей более по наслышке и изображенной в несколько сентиментальной манере («Баритон»); повесть Хвощинской, равно как и следовавший за ней через несколько лет «Дневник семинариста» Никитина были отодвинуты потрясающими образами «Очерков бурсы» Помяловского (1862); но и у Помяловского мы более видим истязаемых, чем истязателей, изображение воспитания, а не

результатов этого воспитания. Повести Решетникова «Ставленник» (1864) и «Никола Знаменский» (1867), особенно вторая с ее колоритной центральной фигурой полудикого попа, лишь отчасти приоткрыли завесу над этим еще не тронутым русской литературой уголком быта; еще менее удалось это сделать писательнице Марко Вовчок (Маркович) ее «Записками причетника» (1869—1870), где романтический замысел отвлекал писательницу от внимания к типам и быту; повесть осталась неоконченной и к тому же сильно, по-видимому, пострадала от цензуры. А между тем еще в 1859 г. Добролюбов писал: «Вопрос о положении и значении духовенства в России слишком важен, и его никак нельзя оставлять без внимания». Не имея возможности (и по цензурным причинам) дать художественное изображение жизни и быта русского духовенства, пробовали сделать это иным путем: в 1858 году заграницей, без имени автора, вышла книга «Описание сельского духовенства», написанная священником Беллюстиным и явившаяся, по словам современников, своего рода громовым ударом для тогдашнего церковного управления. Автор очень правдиво описал в ней взяточничество и самоуправство консисторий и архиереев, бесправное и жалкое материальное положение сельского духовенства, отчужденность его от народа, неизбежное пресмыкательство перед помещиками и полицией. — и книга, само собой разумеется запрещенная, стада одной из сенсационных. Своего Туберозова Лесков заставляет ею интересоваться и, после долгих розысков прочитавши ее, восклицать в дневнике: «О, сколько правды! Сколько горькой, но благопотребнейшей правды! Мню, что отец Троадий (консисторский цензор) не все здесь написанное с апробацией и удовольствием читает» (запись 22 ноября 1861 г.). Очень возможно, что в ряду побуждений, приведших Лескова к написанию «Соборян», известную роль сыграл и факт его личного знакомства с книгой Беллюстина» (л. 59-60).

Тщательный и глубокий анализ «Соборян» и беглый обзор хроник «Старые годы в селе Плодомасове» и «Захудалый род» приводят Белецкого к выводу, что положенный в основу хроник замысел не был осуществлен, — Лесков не нашел положительных героев, идеальных строителей будущего. Его идеальными лицами были или люди феодального, уже отжившего прошлого из других хроник (боярыня Плодомасова, княгиня Протозанова), или идеальный священник Туберозов, в идеальности которого усомнился впоследствии сам автор, переживший идейную эволюцию и усмотревший в своем герое явные черты «византинизма», т. е. официального православия. Все сказанное Белецким о «Соборянах», сопоставленных с другими произведениями русской литературы XIX в. на тему о духовенстве, не зачеркнуто последующими работами о хроникальном жанре Лескова 31. Думается, что мимо наблюдений Белецкого над «Соборянами» не должны пройти исследователи этого важного в творческом развитии писателя произведения.

5

Незавершенное в романических хрониках нашло свое дальнейшее развитие в рассказах и очерках, которым посвящена третья глава раздела. Ей посчастливилось. Она появилась в печати в собрании сочинений Белецкого, вошла в научный обиход, специалисты ее знают, и нет нужды ее детально характеризовать. Признание — главное доказательство ее ценности. Однако, чтобы дать полное представление о монографии Белецкого, придется несколько слов об этой главе сказать.

В советском литературоведении имеется много статей, посвященных характеристике отдельных рассказов и очерков Лескова, изучаемых чаще всего замкнуто, обособленно от других произведений того же жанра ³². Такой обобщающей оценки рассказов и очерков, как сделал Белецкий, никто из последующих исследователей не дал. Он, как и в предыдущих главах, рассматривает лесковские произведения малых жанров в единстве их содержания и формы. Начиная с их классификации, он отказался от «прихотливой группировки» рассказов, не раз предлагавшейся Лесковым при издании сочинений. Писатель исходил при этом то от общего замысла («Праведники»), то от свойства сюжета («Святочные рассказы»), то от типа изложения — воспоминания, подслушанный разговор («Рассказы кстати»), причем он неоднократно нарушал принятую им классификацию. Белецкий предлагает иную, в основу которой кладет единый

принцип деления: 1) рассказы с вымышленным сюжетом; 2) рассказы с сюжетом заимствованным; 3) рассказы с сюжетом из действительной жизни. Возможно, каждый из этих разделов может дальше дробиться, возможно деление и по другим признакам, например жанровым, однако избранный Белецким принцип деления — сюжет — является определяющим для Лескова, рассказчика занимательных историй.

Все рассказы в своей совокупности дают широкий бытовой охват жизни русского народа; в них представлены все классы и сословия: дворяне, крестьяне, духовенство, купцы, чиновники, военные, а рядом сословно связанные с ними люди иных верований, чем официальная религия (раскольники, сектанты, религиозные искатели из фабричной среды), люди вне сословий в России (инородцы, иностранцы) и люди, порвавшие сословные связи (разного рода чудаки, вдохновенные бродяги, странники и т. п.), и менее всего интеллигенция. Несмотря на этот бытовой охват людей разных категорий, Лесков не бытописатель, замечает Белецкий. Нельзя отнести к бытописанию даже «Леди Макбет Мценского уезда», «Грабеж» или «Чертогон», так как их сюжеты не типические явления, а в основе их лежит анекдот, т. е. маленькая занимательная новелла. Анекдот, по словам Белецкого, трудно отделим от новеллы и входит у Лескова в сюжет для придания ему занимательности или забавности ³³.

«Лесков — не искусный изобретатель, а счастливый собиратель анекдотов», — утверждает Белецкий. Сюжеты подсказаны ему жизнью, или он черпает их из разных источников — из фольклора (например, в «Левше» рассказана цеховая легенда ³⁴), из архивных дел, с которыми знакомился Лесков, из сообщений, полученных от сведущих людей, из «Пролога» и «Патериков» и др. «...Из художника-творца он все более становится с половины 80-х годов начетчиком-полигистором» (л. 81—82), т. е. многознайкой, если перевести с греческого это слово, человеком, начитанным в разных областях. Избирая сюжет, Лесков хочет его документальной достоверности. Типичны для него заинтриговывающие эпиграфы и заглавия; приемы повествования менялись в сторону большей упрощенности: умереннее становилась пестрота эпизодов, следовавших один за другим, как в «Сказках тысячи и одной ночи».

Хотя Лесков занимательный рассказчик, однако его цель — живописать характеры, построенные на бытовых апокрифах, ценных «документальностью идейной». Главные герои — это праведники и родственные им «дети Каина», социальные изгои, но чуждые смирения и покорности, антики, люди с особой статью, «истинные христиане», т. е. люди деятельной любви к человеку, и, наконец, полная противоположность им всем — «удачливые люди», практики жизни. В изложении преобладает рассказ от первого лица, значительно реже от третьего. Рассказчик обычно или свидетель происшествия, или бывалый человек, когда-то и где-то услышавший о происшествии и его героях. Рассказ начинается с портрета главного героя, сделанного приемом перечисления паспортных примет с подчеркиванием «особых» примет. Описание последних приводит автора часто к воспроизведению, посредством слова, иконописного изображения. Таков, например, портрет Шерамура. Любит Лесков описания человеческих фигур в движении. Из душевных состояний человека Лескова привлекают картины любовного опьянения и экстаза. Главное же, в чем он достигает выразительности изображения, — передача живой речи действующих лиц со всеми ее особенностями — местными, временными, сословными, профессиональными и личными. Это то, что Лесков называл «постановкой голоса» и чем гордился. Но «постановка голоса» не была художественным открытием писателя. Она уже есть у Пушкина, Гоголя.

«Постановку голоса» Лесков вырабатывал постепенно, в романах она отсутствует. «Овцебык»— первая попытка в этом направлении. Здесь отрывистая речь героя соответствует его замкнутой, сосредоточенной в себе натуре. Зато в авторской речи чувствуются здесь интонации «Записок охотника». Речь персонажей он часто насыщает жаргонными словечками, взятыми из языка людей, вышедших из низов и соприкоснувшихся с «образованной» городской средой. Это язык свах, своден, приживалок, прислуги, бывших дворовых и т. п. Близок к этому жаргону язык полуинтеллигентной среды, язык, по словам Лескова, «вульгарный и вычурный». Для жаргона характерна народная этимология. Белецкий приводит многие примеры этого излюбленного Лесковым художественного средства. Речь крестьянина или мастерового пестрит пословица-

ми и прибаутками. Интерес Лескова к расколу, чтение им православной церковной литературы обогатили язык его героев церковнославянскими элементами. А знакомство с материалами старинного крючкотворства, начитанность в русской литературе XVIII в. научила Лескова воспроизводить речь людей старого склада. Прислушивался Лесков к языку народностей, населявших Россию, сам он владел украинским, что, несомненно, отразилось на речи его героев. Подмеченное в языке, подслушанное в речи разных лиц повлекло Лескова к аналогичному самостоятельному словотворчеству. В рассказах все отмеченные художественные элементы ведут Лескова, делает вывод Белецкий, к постановке мучавшего писателя вопроса — о России и русском народе, его судьбе и будущем — вопроса, стоявшего и перед другими писателями XIX столетия.

6

Завершается исследование Белецкого третьим разделом, небольшим по объему—
«Лесков в истории русской литературы», подводящим итоги всему ранее сказанному. Белецкий делает такой вывод: «Лескова интересуют специфические особенности русского быта, его уклонения от нормы — результаты культурно-экономических сдвигов развития России, та «особенная стать», которую он изучает в слове, в действии, в состоянии русского человека. Это ведет его внимание к особенностям живой речи, вроде народных этимологий, провинциализмов и архаизмов, к анекдотическому сцеплению происшествий, к причудливой пестроте бытовых красок» (л. 115).

В 30—40-х годах XIX в. его предшественником мог бы быть Вельтман, хорошо знавший «редкие и звучные слова старинного и народного русского языка» (там же), автор богатых фабулой романов, но Вельтману, увлекательному рассказчику, не хватает знания русской жизни. Другим предшественником Лескова мог бы быть Даль, но ему недоставало таланта в создании русских характеров во всей их своеобычности. Не могут равняться с Лесковым и писатели — авторы занимательно-бытовых рассказов и повестей, работавшие в этих жанрах параллельно с Лесковым (Мельников-Печерский, Горбунов, Максимов и др.). У них не было «ни его темперамента, ни силы его художественного мышления, ни широты его интересов» (л. 116). В этом отношении он близок к Гл. Успенскому. Оба они — «как мосты, перекинутые от этнографической и народнической беллетристики к двум другим страстным искателям в русской литературе XIX века — Толстому и Достоевскому» (там же). Белецкий указывает и на «потомков» Лескова — А. М. Ремизова, Б. Пильняка. Но определить место и роль Лескова в истории русской литературы — задача будущего, заканчивает очерк Белецкий.

Белецким проделана большая и ценная работа, обращенная в будущее советской лесковианы. Свежая по мысли и наблюдениям, она не перечеркнута последующими исследованиями. В ней подняты новые проблемы, еще не только не разрешенные, но даже порой не затронутые в наши дни. По ходу изложения они были указаны. Это — «Лесков — читатель», «Читатель Лескова», «Домысел и вымысел в творчестве Лескова», «Проблема занимательности и авантюрности в произведениях Лескова», «К вопросу о творческих взаимоотношениях Лескова и Щедрина».

Однако самой существенной задачей, вытекающей из монографии, — «задачей будущего», по собственному определению автора, является установление «места и роли Лескова в истории русской литературы». Прекрасный ее знаток, Белецкий наметил важные ориентиры в постановке и решении этой проблемы: Лесков и «натуральная школа» 40-х годов; бытовая повесть 40—50-х годов и Лесков; Лесков и авантюрно-детективный роман; писатели — учителя Лескова (Пушкин и Гоголь); предшественники Лескова (Вельтман, Даль); рассказчики — современники Лескова (Мельников-Печерский, Горбунов, Максимов и др.); последователи Лескова (Ремизов) и, добавим от себя, многочисленная когорта советских новеллистов, любящих его прихотливое повествование, ценящих своеобразие и богатство его языка и многому у него научившихся. Белецкий — один из тех исследователей, кто призывал изучать второстепенных писателей, что необходимо для уяснения закономерностей в развитии историко-литературного процесса. Второстепенные писатели — едва пробивающиеся ручейки, вливающиеся в большую реку — творчество великих писателей, которых по преимуществу и изу-

чают литературоведы. Они — действительно главная сила в историко-литературном процессе, но нельзя игнорировать и подспудную работу, выполненную маленькими писателями, подготавливающими почву для расцвета большого таланта и не всегда привлекающими внимание исследователей. На протяжении всей монографии Белецкий ищет литературные истоки Лескова, стремится уяснить место Лескова в русской литературе. В этом ее неувядаемое значение и для наших дней.

Надо признать: много уже сделано в изучении Лескова: им занимались такие большие, ныне покойные, ученые, как Л. П. Гроссман, тонкий стилист, автор блестяще написанной книги о Лескове, Б. М. Эйхенбаум, выступивший с рядом небольших по объему, но глубоких по содержанию и тонкому анализу вступительных статей к избранным сочинениям Лескова. Вошли в лесковиану и такие ученые, как С. А. Рейсер, автор ценнейшего исследования об Артуре Бенни («загадочном человеке»— Райнере у Лескова) ³⁵ и Б. Я. Бухштаб, широко известный своими работами. После войны сформировалась группа серьезных исследователей с устойчивым научным интересом к Лескову, стремящихся проникнуть в глубь его творчества. Это рано ушедшая из жизни В. А. Гебель, обратившаяся к изучению творческой лаборатории Лескова и его языка; Н. С. Плещунов, глубоко и плодотворно изучающий романы Лескова, пересмотревший устойчиво державшиеся точки зрения на них и пришедший к свежим и убедительным выводам ³⁶; В. Н. Азбукин, много сделавший для изучения антицерковных сатирических произведений Лескова ³⁷; он во многом дополнил ранее вышедшую, но уже несколько устаревщую монографию М. С. Горячкиной «Сатира Лескова», где еще недостаточно высок теоретический уровень (не ясно, что автор считает сатирой, так как в работе нет разграничения между собственно сатирой, обличением и критическим изображением действительности), где не дано объяснения идейных противоречий и срывов писателя, где нет ясного и точного ответа на вопрос о Лескове и Щедрине, а дается половинчатое его решение; В. Н. Азбукин, ограничив себя только антицерковной сатирой, избежал многого, что не удовлетворяет сейчас в книге М. С. Горячкиной. Разносторонне работает И. В. Столярова 38, автор многочисленных работ о публицистике Лескова и его произведениях «Житие одной бабы», «Очарованный странник», «Смех и горе», работ всегда проблемных, связывающих писателя с литературной борьбой его времени. Нельзя не отметить В. Ю. Троицкого, пополнившего лесковиану монографией, хотя этот научный жанр не популярен в изучении Лескова 39. В ней много свежих мыслей о методе и стиле Лескова, широкий охват с новых сторон произведений Лескова, рассматриваемых в единстве мировоззрения, эстетических принципов и стиля. Есть в ней и сопоставления Лескова не только с Достоевским и Л. Толстым, что уже не раз делалось, но и с меньшими собратьями по перу — Погодиным, Н. Полевым, Левитовым. Автор не только анализирует, но и стремится делать обобщения. Появилось много работ о языке Лескова. Им интересуются не только литературоведы, желающие осознать его художественные функции и значимость, но и лингвисты, рассматривающие его как явление общенационального русского языка.

Любопытна география работ о Лескове. Выходят они не только в Москве и Ленинграде, где плодотворно и интересно работают Б. Я. Бухштаб, С. А. Рейсер, И. В. Столярова, В. Ю. Троицкий и др., но и в Саратове, Иванове, в Сибири (Томск), в Приморье (Благовещенск), Якутии, на Украине — в Киеве, Харькове (успешно защищена О. В. Анкудиновой кандидатская диссертация), Ужгороде; в Азербайджане (Баку), в Киргизии (Фрунзе) и Таджикистане (Душанбе). Эта широкая география свидетельствует о большом интересе к Лескову советских ученых, которым не препятствует в удовлетворении его отдаленность от центральных научных библиотек и архивов. Нынешняя лесковиана идет вширь, захватывая в сферу своего внимания отдельные произведения или их группы, тематически или жанрово однородные. Правда, приходится отметить, что в них порой поднимаются скорее частные, чем узловые для Лескова вопросы, однако и без их разрешения не может обойтись изучение Лескова. Кажется порой, что лесковиана находится в периоде накопления, собирания наблюдений и фактов, чтобы сделать затем неоспоримые, убедительные выводы и обобщения.

Все сказанное отнюдь не претендует на исчерпывающий критико-библиографический обзор всей литературы о Лескове, и да простят авторы многих ценных и добро-

совестных работ, не упомянутых здесь, потому что нас интересует общее направление и состояние лесковианы, нужное нам для суждения о месте в ней монографии Белецкого, оставшейся не известной специалистам. Созданная в 1923 г., она не умерла. Чуждая описательности, насыщенная интересным, живым и для наших дней анализом, приводящим автора к большим и важным обобщениям, она заняла бы в лесковиане почетное место, если бы появилась в печати даже не полностью, а хотя бы в основных своих частях. У нас скромная цель обратить на нее внимание всех изучающих Лескова. Знакомство с ней и поучительно и интересно.

примечания

¹ Олександр Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. 1—5. Київ, «Наукова думка», 1966 (Академія наук УРСР. Інститут літературы ім. Т. Г. Шевченко). Далее

при ссылках указывается: Білецький.

2 Краткая характеристика работы Белецкого о Лескове дана в статье: М. О. Г абель. О.І.Білецький — дослідник російської літератури XIX століття.— «Слов'янське літературознавство і фольклористика». Вып. 5. Київ, «Наукова думка»,

1970, с. 32—44.

³ «Вопросы теории и психологии творчества», т. VIII. Харьков, «Научная мысль», 1923. Перепечатано в кн.: А.И. Белецкий. Избранные труды по теории литературы. Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., «Просвещение», 1964. Даем перечень упоминаний о Лескове по этому более доступному изданию: о сюжете рассказа «Несмертельный Голован» с. 106; о бульварно-детективных элементах романа «На ножах» — с. 115; об образах вдохновенных бродяг («Овцебык», «Шерамур», «Фигура») — с. 123; Лесков о «постановке голоса» персонажей («Полунощники») — с. 137; теоретические соображения писателя по этому вопросу — с. 183; изображение «Старого города», замысел («Чающие движения воды») — с. 145; пейзаж грозы («Соборяне») — с. 230.

* «Посев». Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одес-са, 1921, с. 83—86.

5 А. Белецкий. Н. С. Лесков, л. 25. Далее при ссылках на эту рукопись в тек-

сте указываются только номера листов. ⁶ М. Горький. Н. С. Лесков. — В кн.: Н. С. Лесков. Избр. соч. в трех томах, т. І. Берлин-Пб.-М., З. И. Гржебин, 1923, с. 5—13 (см. также: М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 24. М., 1953, с. 228—237).

⁷ Н. С. Лесков. Полн. собр. соч. с критико-биографич. очерком Р. И. Сементковского, тт. І—ХХХVІ. СПб., А. Ф. Маркс, 1902—1903 (приложение к журн. «Нива»).

⁸ Библиография сочинений Н. С. Лескова за тридцать лет (1860—1889). Составлена П. В. Быковым (в кн.: Н. С. Лескова собр. соч., т. X. СПб., тип. А. С. Су-

ворина, 1890, с. I—XXV).

Из затерянных в прессе в работе Белецкого упоминаются: «С людьми древлего благочестия», неоконченная повесть «Незаметный след», «Поповская чехарда и приходская прихоть», «Чающие движения воды», «Откуда пошла глаголемая «ерунда» или «хирунда», «Два свинопаса», «Обнищеванцы», «Спиридоны-повороты», предисловие к «Инженерам-бессеребренникам» и мн. др. Подобными разысканиями пришлось заниматься и последующим исследователям Лескова. Недаром Б. Я. Бухштаб в кн.: Н. С. Лесков. Указатель основной литературы. Л., 1948, ввел специальный раздел «Основные произведения, не вошедшие в собрания сочинений и сборники»

9 «Наука на Украине», 1922, № 2, с. 94—95; см. также: *Білецький*, т. 3. ¹⁰ Н. С. Лесков. Собр. соч., т. VI. СПб., тип. А. С. Суворина, 1889. В 1890 г. вышел новый вариант этого тома.

¹¹ Жизнь Лескова, с. 585.

¹² А. И. Фаресов. Против течений, с. 411.

¹³ Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 11. М., Гослитиздат, 1958, с. 549.

14 См.: И. В. В ладиславлев. Русские писатели. Опыт библиографич. пособия по русской литературе XIX—XX ст. 4-е переработанное и значительно дополненное издание. М.— Л., ГИЗ, 1924, с. 75 (Здесь дана сноска-аннотация к книге А. И. Фаресова).

¹⁵ В дате второго письма Белецкий сделал описку: 1885 (вместо правильного 1886). Эта описка не исправлена при публикации главы «Рассказы и очерки» (см.:

Білецький, т. 4, с. 384).

16 А. Л. Волынский. Н. С. Лесков. СПб., 1898; второе издание—Пб., «Эпо-

ха», 1923. На это издание даются ссылки в нашей статье.

17 В примечаниях к главе «Рассказы и очерки» (Білецький, т. 4, с. 402) указана не та работа Волынского, которую имеет в виду автор: названа книга «Царство Карамазовых. Н. С. Лесков». СПб., 1901, а Белецкий ссылается на книгу «Н. С. Лесков». СПб., 1898.

18 Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XVIII, СПб.,

- 1896, стлб. 147—150.

  19 Н. О. Лернер. Николай Семенович Лесков.—«История русской литературы XIX в.» Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. IV. М., «Мир», 1915, с. 207—229.
- 20 Леонид Гроссман. Н. С. Лесков. Жизнь творчество поэтика. М., ГИХЛ, 1948.

 21 В. А. Гебель. Лесков. В кн.: «История русской литературы», т. ІХ, ч. 2.
 М.— Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 121—153.
 22 Б. М. Другов. Н. С. Лесков. Очерк творчества. М., Гослитиздат, 1957.
 23 Сложному и противоречивому характеру Лескова Ю. Нагибин посвятил рассказ «Девь крутого человека» («Литературная Россия», 1974, № 7, 15 февраля). В связи со сказанным выше следует вспомнить замечательную книгу А. Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям». Она написана ярко и мастерски, красочным и выразительным языком, подобным языку самого Лескова. Это — не биография, в обычном ее жанре, а скорее развернутые воспоминания, дополненные и подкрепленные материалами других источников. Книга воссоздает живую личность Лескова с ее крутым нравом, неудержимым темпераментом и своеволием, испытанными сыном на самом себе. Черты личности Лескова, подчеркнутые сыном, те же, о которых говорит Белецкий, настаивая на необходимости их учитывать, когда идет речь о Лескове, участнике литературной борьбы.

²⁴ Называем наиболее значительные работы о «Некуда»: В. Базанов. Н. Лесков и «нигилисты». — В кн.: В. Базанов. Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, ГИЗ Карело-Финской ССР, 1941; Н. С. Плещунов. Романы Лес-кова «Некуда» и «Соборяне». Баку, 1963; И. В. Столярова. Роман Н. С. Лескова «Некуда» и споры об изображении народной жизни в литературе и критике 60-х гг.—«Уч. зап. Омского пед. ин-та», вып. 17, 1962; Г. Тамарченко. «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова.—«Вопросы литературы», 1972, № 9; Н. И. Тотубалин. «Некуда».— В кн.: Н. С. Лесков. Собр. соч., т. 2. М.,

Гослитиздат, 1956.

25 А.И.Белецкий. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830—1860 гг. (30 печ. листов). Харьковский университет, 1918 (рукопись). Часть материалов диссертации легла в основу статьи «Тургенев и русские писательницы 30-60-х гг.»-«Творческий путь Тургенева». Сб. статей под ред. Н. Л. Бродского. Пг., «Сеятель», 1923.

26 Проблеме занимательности романов Достоевского посвящена статья ученицы Белецкого — М. Г. Давидович в сб.: «Творческий путь Достоевского». Под ред. Н. Л. Бродского. Л., «Сеятель», 1924.

27 Не заинтересовал этот вопрос ни М. С. Горячкину в ее книге «Сатира Лескова»

(М., Изд-во АН СССР, 1963), ни И. З. Сермана, автора вступительной заметки и коммен-

тария к «Соборянам» в Собр. соч. Лескова, т. 4 (М., Гослитиздат, 1957).

28 Выражение «Бездна бездну призывает» восходит к стиху 8 псалма 41; в несколько иных вариантах оно встречается у ряда древнеримских авторов (см.: Н. О. О вруцкий. Крылатые латинские выражения в литературе. М., «Просвещение», 1969, с. 14—15). Лесков использовал эти слова как заглавие второй части романа «На ножах». Можно думать, что и здесь, и в «Соборянах» он употребил их в смысле: грех влечет за собой грех, беда ведет за собой другую беду.

29 В подстрочном примечании к этому листу Белецкий называет драму Бьёрнстерне-Бьёрнсона «Свыше сил» (1889) и роман И. Н. Потапенко «На действительной

службе» (1890).

30 В. А. Гебель. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М., «Сов. писатель», 1945.

31 В. А. Лебедев. Хроникальный жанр в творчестве Н. С. Лескова.—«Учзап. Томского гос. ун-та», № 67, 1967 (автор защитил на эту тему кандидатскую диссертацию: «Хроникальный жанр и проблема личности в творчестве Н. С. Лескова». сертацию: «Ароникальный жайр и проолема личности в творчестве Н. С. Лескова». Автореферат. Якутский гос. ун-т, 1971); Н. С. Плещун о в. Романы Лескова «Некуда» и «Соборяне». Баку, 1963; И. В. Столярова. Роман-хроника Лескова. В кн.: «История русского романа», т. 2. М. — Л., «Наука», 1964; И. З. Серман. Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова—«Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР», т. XIV, 1958; М. А. Цейтлин а. Анализ художественных особенностей романа «Соборяне». «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», т. XVI, вып. 4, 1958.

32 Назовем некоторые из этих работ: И. П. В и д у э ц к а я. Жанр рассказа в творчестве Н. С. Лескова.—«Филологические науки», 1961, № 2; В. А. Д е с н и цк и й. Крестьянские рассказы Н. С. Лескова. — «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. XIV, 1938; В. А. Лебедев. Некоторые вопросы проблематики повести Н. С. Лескова «Детские годы».—«Труды ист.-фил. ф-та Якутского гос. ун-та», вып. 1, 1966: Л. И. Левандовский. К творческой истории повести

«Заячий ремиз». — «Русская литература», 1971, № 4; А. В. Лу Народные рассказы Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого. Н. С. Лескова. А. В. Л ужановский. «Толстовский сборник». Тула, 1964; о н ж е. О виде и жанрах произведений Н.С. Лескова о народе.—«Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. 37, 1966; о н ж е. Сюжет и фабула рассказов Лескова о народе.— Там же, т. 38, 1960 (автором защищена в 1967 г. диссертация на эту тему); М. П. Чередник ова. Обисточниках легенды Н.С. Лескова «Скоморох Памфалон».— В кн.: «Русский фольклор», т. 13. Л., 1972; о на же. Об одном фольклорном мотиве в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник».— «Русская литература», 1973, № 3; Л. Г. Чуднова. Крестьянство и творчество Н. С. Лескова 1890-х годов. (Повесть «Юдоль»).—«Уч. зап. ЛГУ», кафедра русской литературы, т. 245, 1968.

33 Анекдоты в творчестве Лескова привлекли внимание последующих исследователей. См.: В. Ю. Т р о и ц к и й. Анекдотизм, как черта поэтики и стиля Н. С. Лес-

кова. — В кн.: «Вопросы русской и советской литературы». Сб. научных трудов, вып. 2.

Благовещенск, 1969.

³⁴ О цеховой легенде как источнике сюжета «Левши», полученного Лесковым от И. А. Шляпкина, не раз писали. См.: И. А. Шляпкин. К биографии Н. С. Лескова.— «Русская старина», 1895, № 12; В. Шкловский. Ободной цеховой легенде («Левша»).— «Огонек», 1947, № 19; Э. С. Литвин. Фольклорные источники о тульском косом левше и о стальной блохе Н.С. Лескова.— «Русский фольклор», т. І. М., Изд-во АН СССР, 1956; Б. Я. Б у х ш т а б. Об источниках «Левши» Н.С. Лескова.— «Русская литература», 1964, № 1.

35 С. А. Рейсер. Артур Бенни. М., Изд-во политкаторжан, 1933.

36 Н.С. Плещунов. Основные вопросы изучения романов Н.С. Лескова.—

«Уч. зап. Азербайджанского ун-т а», 1956, № 10; «Вопросы поэтики русского романа 60—80-х годов XIX в. и Н. С. Лесков». — Там же, 1958, № 3; «О своеобразии романов Н. С. Лескова».— Там же, 1958, № 2; «К вопросу о замысле романа Н. С. Лескова «Чертовы куклы».— «Труды Азербайджанского ун-та». Серия филологич., вып. 2,

«чертовы куклы». 1947, и др. 37 В. Н. Азбукин. К вопросу о становлении антицерковной темы в творчестве Н. С. Лескова 70-х — нач. 80-х годов. — «Труды Томского гос. ун-та» т. 153, 1960; «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова. (Из наблюдений над жанровым своеобразием). — «Уч. зап. Томского гос. ун-та», № 42, 1962; «Из творческой истории «Заметок неизвестного» Н. С. Лескова». — «Филологические науки», 1962, № 3, и др. 38 И В Столярова. Лесков в «Биржевых ведомостях» и «Вечерней газете» 1960.

(1869—71).— «Уч. зап. ЛГУ», № 295. Серия филологических наук, вып. 58, 1960; Общественно-литературная позиция Н. С. Лескова в конце 1860-х годов. — «Вестник ЛГУ», 1961, № 2. Серия истории языка и л-ры, вып. 1; Н. С. Лесков в «Русском мире» (1871—1875)».— «Уч. зап. Омского пед. ин-та», вып. 17, 1962; Русские Донкихоты в творчестве Н. С. Лескова. — Русская литература XIX—XX веков». Л., ЛГУ, 1971 («Уч. зап. ЛГУ», № 35. Серия филологич. наук, вып. 76).
³⁹ В. Ю. Троицкий. Лесков-художник. М., «Наука», 1974.